

Ширин Мелек

Кёсем-султан. Дорога к власти

Глава 1

Муккадима

Завязка представления в традиционной пьесе театра теней о Карагёзе и Хадживате

— Я ранен жизнью... — задумчиво произнес Мустафа.

Слышно, как за окном поют птицы. И далекий звон фонтанов тоже слышен. Все это как бы не считается звуками: здесь правит «госпожа Тишина», это ее атрибуты. Она не сводится к полному молчанию: такое уместно лишь в склепе, Тишина же — повелительница ласковая.

А еще слышно, как вдалеке, подражая птицам, негромко поет ребаб: он, струнный, тоже слуга госпожи Тишины, поэтому только ему из музыкальных инструментов тут и место. Сперва казалось, что и голос флейты можно допустить, но вот уже год, как не кажется так. Ранит игра флейты, словно жизнь.

— Жизнь ранит, она и лечит, почтенный, — возразил Абрахам бен Закуто. Знал, что

«господином и повелителем» Мустафу тут звать не следует, султану это и на заседаниях дивана тягостно, а уж тут, под сенью Тишины, он только об одном мечтает: подольше бы не надевать золоченую шкуру владыки правоверных...

— Меня не лечит, — покачал головой Мустафа. — Ломит душу тоска, камнем лежит на сердце печаль...

Никакой печали и тоски в его голосе не чувствовалось, говорил он скорее беззаботно. Но у Кёсем защемило в груди: она знала, что султан прав...

Лекарь украдкой покосился на нее. Поймал взгляд, оперся на него, как на посох, — и, придерживаясь за эту опору, уже открыто посмотрел на Халиме-султан.

— Мой сын... — начала было та.

— Давно умер, мама, — равнодушно отмахнулся Мустафа.

Халиме осеклась. Кёсем даже чуть было не пожалела ее: вот ведь упорство у матери султана — даже не мужское, а прямо-таки ослиное! Вроде бы могла же, за столько-то лет, усвоить, что доступа к разуму сына у нее нет... ни у кого этого доступа нет, кроме друзей отрочества. А сейчас это — сама Кёсем и...

Но не унимается валиде-султан. Стоит появиться новому лекарю — и она опять проверяет,

не откроет ли ей тот путь к власти над султаном. Даже не хочет вспомнить, откуда эти лекари берутся и кто привел во дворец хотя бы вот этого.

— Дочь моя... — пересиливая себя, произнесла Халиме почти умоляюще. И посмотрела на Кёсем.

Все на нее сейчас смотрели, даже служанки, замершие у дальней стены. Все, кроме самого Мустафы.

Вздохнув, она подошла к султану, погладила его по щеке. Мустафа слабо улыбнулся. Взгляд его тем не менее рассеянно плавал по комнате, ни на ком не останавливаясь.

— Держись, братик. (Халиме поморщилась, но промолчала: Кёсем всегда обращалась к ее сыну так — просто потому, что иначе к нему было не достучаться.) Я скоро вернусь, причем не одна: сегодня у нас для тебя сюрприз!

— Хадидже приведешь? — на лице Мустафы обозначилась тень интереса.

Кёсем покачала головой. Бедный Мустафа. Повелитель правоверных, халиф ислама, хранитель мечетей в Мекке и Медине... Несчастный подросток, навсегда застрявший в том времени, когда случайный удар, нанесенный во время тренировки рукой брата...

Не надо об этом.

Имя «Хадидже» — из того самого времени. Мустафа помнит, что так звали одну из девушек, волею судьбы оказавшихся при мальчишках-шахзаде в совершенно невиданной роли: не наложницы, не гаремные узницы, а друзья, равные среди равных. Но он совершенно забыл, как ее зовут теперь.

— Нет, Махфируз... Хадидже не может прийти сегодня.

— Опять! — огорчился Мустафа.

— Да, все еще не может. Она... не совсем здорова.

— Тоже ранена жизнью. — Султан пожал плечами. — Бывает.

Кёсем выслушала все это с каменным лицом. Опасаться следовало только Халиме: вдруг та сейчас с недовольной гримасой скажет, что...

Но валиде-султан предпочла промолчать.

— Не будем об этом, братик, — сказала тогда Кёсем, проглотив подступивший к горлу ком. — Сюрприз, о котором я тебе хочу сказать, вообще не с Хадидже связан. Сегодня приехал один из братьев — угадай, который!..

— А, — Мустафа сразу потерял интерес к разговору, — один из братьев ко мне и так часто заходит. Второму-то сюда хода нет, а вот Ахмед то и дело заглядывает. Он и перед самым вашим приходом был.

Валиде прижала руку к губам, но удержалась от вскрика. А вот по ряду служанок, выстроившихся сейчас у дальней стены павильона, пронесся слитный вздох ужаса. Кёсем бешено взглянула на них — и они умолкли: ее гнев им, конечно, меньше всего хотелось бы вызвать, он-то точно не призрачный.

— Никто не заходил сюда, госпожа! — дрожащим голосом поспешила заверить старшая из служанок. — Ни живой, ни мертвый!

— Заткнись, дура! — приглушенно рыкнула на нее Халиме, кажется, больше всего разъяренная тем, что служанка обратилась не к ней, а к Кёсем.

— Не надо здесь кричать, дражайшая матушка, валиде-султан, — поспешно, но твердо вмешалась Кёсем. — Только не здесь. Эти девушки, как умеют, берегут покой султана — и нам ведь он тоже не безразличен, правда же?

Только так и можно с Халиме: железо в патоке. Если порознь, на нее не подействует.

— Да, дочь моя... — с трудом произнесла валиде. Посмотрела на своего сына — и глаза ее вдруг наполнились слезами, самыми настоящими, не напоказ. Прикрыв лицо рукавом, Халиме устремилась прочь из зала.

Кёсем в некотором ошеломлении посмотрела ей вслед. Сделала успокаивающий жест служанкам: несите службу дальше, ничего вам не будет (про

себя добавив: «Хотя вы и вправду дуры»). Прочитала беззвучный вопрос на лице лекаря, чуть заметно качнула головой: не сейчас. Снова повернулась к Мустафе:

— Один из братьев Крылатых прибыл ко двору. Не хочешь угадать, какой именно?

Это тоже были «гости из прошлого», из времен отрочества нынешнего султана — и их-то он помнил хорошо. Братья-близнецы, Доган и Картал, *Сокол* и *Орел* — потому и «Крылатые».

— А чего тут гадать. — Мустафа пожал плечами. — Тот, который с Башар, — он и прибыл. Зови, зови их сюда, обоих. И деревянные клинки пусть с собой прихватят: проверим, кто теперь фехтует лучше...

Башар, девушку из того времени, когда юные шахзаде и их друзья беззаботно состязались в искусстве владения тренировочным оружием, он тоже помнил. И помнил, что она уже тогда была обещана в жены одному из близнецов.

Почти наверняка помнил и какому именно. Но сейчас этого не сказал. Не счел нужным — или...

Говорят, что у слепцов особенно острый слух. А у безумных какая-то часть их разума, неповрежденная, обладает, наверно, высшей мудростью.

— Скоро позову, — кивнула Кёсем. — Только они к тебе без клинков придут, даже деревянных. Хватит, напроверялись уже...

Она снова погладила Мустафу по щеке и поспешно вышла, чувствуя, что иначе и у нее в глазах вот-вот появятся слезы.

— Ахмед, госпожа, это... — лекарь сделал паузу.

— Да, — неохотно, но твердо кивнула Кёсем. — Не слуга, не охранник, не евнух, а покойный султан. Брат нынешнего султана, — зачем-то уточнила она.

Спросит ли бен Закуто про второго брата, того, которому к Мустафе хода нет? Вообще-то за пределами дворца не слишком известно, что среди сыновей позапрошлого султана был еще и некто Яхья. До такой степени неизвестно, что за знание этого может и голова с плеч слететь.

Тут Кёсем мысленно назвала себя дурой хуже давешних служанок, что приставлены к больному султану. Лекарь-то не с неба свалился: он именно из тех кругов, в которых о Яхье знают не по слухам. Там всем ведомо, какова была судьба этого шахзаде. Человека, который сперва «случайно» во время дружеских состязаний проломил голову младшему брату (и правда случайно — метил-то в старшего), потом ушел в побег — и во время этого

побега, сотворив еще одну кровавую мерзость, сгинул, исчез из мира живых.

Не жизнью ты был ранен, Мустафа, а рукой своего брата. Понятно, отчего ему к тебе хода нет, даже из мира мертвых.

— Что посоветуешь, почтенный? — спросила Кёсем чуть резче, чем намеревалась.

— Тут мало что можно посоветовать, госпожа, — спокойно и твердо ответил врач. — Но все же попробую. Однако сперва позволь задать несколько вопросов.

— Мне?

— Если на то будет твоя милость, да, госпожа. Или тому, кто знает о болезни повелителя больше всех.

— Значит, мне, — вздохнула Кёсем. — Спрашивай, Абрахам-эфенди.

Абрахам бен Закуто мгновение помедлил, видимо прикидывая, не безопасней ли все-таки будет говорить цветисто и льстиво, но отказался от этой мысли. Он тоже знал, с кем говорит, хотя во дворце Топкапы прежде не бывал.

— Случалось ли когда-нибудь, чтобы повелитель правоверных... э-э, чтобы *он* (лекарь неопределенно кивнул подбородком в сторону двери павильона, из которого они только что вышли) хотя бы на краткое время лишился речи? Ну и других подобающих человеческому существу

навыков. Как то случилось с древним царем по имени Небукаднецар, который передвигался на четвереньках, ел руками, не держал на себе одежду...

— Такого нет.

— Благодарю, госпожа. А бывало ли такое, чтоб он оказывался не только безразличен к себе и окружающему миру, но вдобавок одержим тревогой и ощущением безысходности? Чтобы предавался мыслям о грядущем несчастье, винил в нем себя? Или, наоборот, жалел себя?

— Такое, пожалуй, отчасти да. Безысходность, правда, куда реже, чем безразличие, а обвинений самого себя я и вовсе не слышала... и мне не докладывали, чтобы такое случалось... А вот остальное — бывает. Иногда.

— Хорошо, госпожа...

— Да что же тут хорошего. — Кёсем покачала головой.

— Правда твоя, госпожа. Прошу простить: хорошо лишь то, что болезнь повелителя хотя бы отчасти проясняется. Теперь скажи, как он засыпает: быстро или после того, как вдоволь поворочается в постели?

— Ты полагаешь, почтенный, что я сплю с ним?

Она произнесла эту фразу без гнева и без улыбки, чтобы лекарь не грохнулся в обморок.

Потому что услышать такое от реальной повелительницы Высокой Порты и в самом деле смертельно опасно. Даже если повелительница шутит. Особенно в этом случае!

— Нет, я полагаю, что ты, госпожа, знаешь обо всем, что творится с султаном. — Бен Закуто и не собирался падать в обморок. — Также полагаю, что сон его поверхностен, не приносит отдыха, поутру повелителя одолевают вялость и разбитость, а среди дня случаются приступы сонливости.

— Что ж, ты прав в обоих своих предположениях. — Кёсем вздохнула.

— Тогда осмелюсь зайти в предположения еще дальше. Иногда повелитель ведет себя не как при сегодняшнем осмотре, а, наоборот, обнаруживает несвойственную ему обычно энергию и стремление к деятельности. Однако это стремление скорее тревожно, чем благотельно. Угадал ли я, госпожа?

Она молча кивнула. На лекаря ей смотреть не хотелось, вдруг неприятна сделалась его премудрость, которая почти наверняка окажется бесплодной. Сколько уж их тут побывало, знатоков и искусников... Поэтому Кёсем старательно рассматривала дальнюю ветку дерева, под которым они сейчас стояли. Крона, аккуратно и тщательно подстриженная, накрывала их как шатер, но одна ветвь упрямо изогнулась в сторону, нарушая

правильность. И именно на нее сейчас опустилась небольшая птичка. Увидела людей, приготовилась было вспорхнуть, но почему-то вдруг раздумала.

— А бывали ли случаи, когда повелитель... как бы это сказать... видел то, чего нет? Или слышал то, чего опять же нет?

— Ну, ты ведь сам сегодня удостоверился, почтенный. Если уж к нему приходит старший брат, умерший более двух лет назад... Служанки так испугались, что, кажется, и впрямь решили — он как-то там приходит, незримый для тех, кто в здравом рассудке.

— Приятно иметь дело с теми, госпожа, кто так не думает. — Лекарь поклонился, прижав ладонь к сердцу. — Случалось ли султану испытывать ужас перед... тем, чего или кого нет рядом с ним? Заново переживать миг, когда он был ранен, пытаться избежать этого, то есть действительно бежать от... невидимого противника, взывать к его милости или, наоборот, сражаться с ним?

Да, все знает лекарь. Собственно, потому и привезли именно его.

— Брату-убийце сюда ход закрыт, — отчеканила Кёсем. — Сам Мустафа в этом уверен твердо. А раз так, то чего еще и желать?

Кажется, бен Закуто остался не вполне удовлетворен этим ответом, но она больше не

собиралась потакать лекарскому любопытству, потому что именно такое впечатление уже начинали производить его вопросы. Ты целитель — так начинай исцелять! А проницательных и до тебя было много, мудрых да многоопытных тоже, славных еще больше. Только вот что-то никто из них толком не помог.

Снова посмотрела на птичку-невеличку. Та, словно тоже любопытствуя, бойко перепорхнула поближе, забавно вертя головой, уставилась сперва бусинкой левого глаза, потом правого.

— Что ж, госпожа... — лекарь безошибочно понял, что пора переходить от вопросов к делу, — будь это пациент попроще, имело бы смысл применить лечение «проваливающимся мостом»: во время прогулки по саду завести его на декоративный мостик, который, э-э... случайно провалится, и больной упадет в холодную воду... где его желательно еще и придержать на сколько-то мгновений, — для этого под мостиком обычно ставят специально обученных служителей...

— И помогает? — Кёсем поморщилась.

— Довольно редко, госпожа, — признался врач. — А когда и помогает, то, как правило, ненадолго. Хотя результативней, чем окуривание коноплей, и безопасней, чем маковая смолка... которую я в этом случае точно не назначил бы. Однако внезапное погружение в воду — метод из

тех, которые называют «убить или вылечить». Когда иного выхода нет, а результат требуется пускай ненадолго, но сразу — такую цену платят: сам непревзойденный Ибн Сина допускал подобное лечение, хотя и в исключительных случаях...

Бен Закуто сделал крохотную паузу, явно ожидая от своей собеседницы подсказки. Но та молчала, поневоле впечатленная: доселе все врачи, побывавшие здесь, либо торопливо признавались в полном бессилии доступной им медицины, либо, наоборот, сулили полное исцеление. При этом что те, что другие всячески рекомендовали опиумное питье и конопляное окуривание. Заявившие о своем бессилии — просто на всякий случай, как хорошее и проверенное средство, которое точно не повредит.

А еще все они призывали дополнять лечение молитвами. Или даже заменять. Впрочем, досточтимый Абрахам не принадлежит к числу правоверных, так что ему такое, пожалуй, запретно...

— Это ведь не наш случай, госпожа? — не дождавшись от нее знака, решился спросить лекарь.

«Разумеется», — сказала она глазами, вслух не произнеся ни звука.

— Тогда... — Бен Закуто снова помедлил. — Тогда, госпожа, не гневайся, я предложу путь, который сложен, требует терпения не на дни, а на

годы — и при этом твердого результата не обещает. То, что называется «лечение души». Слушать тихую музыку, иногда самому музицировать, если обучен... султан ведь был обучен в отрочестве?.. Созерцать искусные танцы, как можно более плавные, ни в коем случае не воинские... Ну и другие зрелища того же рода тоже целебны. Еще иногда помогает чтение вслух дастанов или волшебных историй.

«Как долго?» — спросила Кёсем взглядом.

— Всю жизнь, госпожа, — грустно ответил лекарь. — Под наблюдением кого-то чуткого, опытного и дружественного.

И взглядом сказал: «Под твоим». А потом добавил, тоже взглядом и движением руки: «Вряд ли так уж долго...»

«Ясно. А теперь остановись».

Но вот этого он как раз не понял. Точнее, по всей видимости, понял наоборот, как «Продолжай».

— А еще в течение этих лет, госпожа, полезно опираться на упорядоченный ход садоводческой жизни: мудрость сезонных работ, целебная благодать жатвы, подвязывания лоз, сбора винограда и оливок...

«Молчи!»

Но было поздно. Зашуршали сзади листья, в ужасе, пискнув, вспорхнула с ветви давешняя птичка — и в проеме живой изгороди сбоку от бен

Закуто и Кёсем возникла валиде-султан, грозная, как отряд сипахи в кольчатой броне с обнаженными саблями наизготовку.

— Ты хочешь сказать, иноверец, что моему сыну подобает образ жизни бостанджи, нищего садовника?

Лекарь, еще не отвыкший от общения с Кёсем, с достоинством поклонился Халиме, и Кёсем пришлось с ходу перехватить нить разговора, чтобы не дать бен Закуто погубить себя. То есть погубить его она бы не позволила, но если он успеет сказать хоть слово — все равно какое, — ей придется потратить немерено сил и времени на борьбу с Халиме-султан, израсходовать в процессе этой борьбы кучу договоренностей с людьми, чей голос весом во дворце и стране... В общем, гораздо дешевле этого не делать.

— О, дражайшая матушка, да стоит ли твоего расстройства этот случай? Мало ли лекари доселе мнений высказывали, редко ли они ошибались, много ли это значит? И иноверцы среди них тоже прежде бывали: второй — грек, четвертый — перс-шиит, что хуже, чем быть неверным... Ну да, очередной раз вотще оказалась врачебная мудрость, но разве нам это в новинку? Все равно ведь только под нашим заботливым попечением — и прежде всего под твоим, ибо никто не сравнится с матерью, когда нужно стать опорой ее сыну...

Халиме-султан на миг запуталась в сети ее слов, она всегда запутывалась: не ей тягаться с выученицей «бабушки Сафие». Кёсем как бы ненароком встала между ней и лекарем, досадливо махнула ему из-за собственной спины: уходи!

Напор Халиме всегда был убийственно силен, но ум негибок и не слишком остр, так что Кёсем обычно успевала завести вокруг ее ярости второй слой тенет, а если надо, то и третий... Уже не раз подумывала о том, насколько это все-таки сложно и опасно и не пришло ли время заменить словесные тенета на самую обычную удавку. Ладно, пускай шелковую, из уважения к высокому рангу валиде. В конце концов, давно пора привыкнуть: это обыденность, таковы правила игры — и в стране, и в столице, и тем паче в султанском дворце. А она что, святее всех прочих?

Кёсем поспешно отогнала эту мысль. Та ускользнула куда-то вглубь сознания, как змея в нору: ее, может, и не видно, но она там есть, улучит момент — и выползет снова, отыщет незащищенный участок тела, ужалит, впустит яд...

Многовато у нее завелось таких змей. Но что поделаешь: жить во дворце — шипеть с гадюками...

Особенно когда ты формально, по дворцовой иерархии, не понять кто, а на самом деле —

реальная правительница Блистательной Порты. Ну, во всяком случае, главный для Блистательной Порты человек. И это надолго. На несколько лет точно: когда еще по-настоящему повзрослеют даже старшие из шахзаде!

Она вела Халиме-султан прочь от павильона, понемногу ослабляя словесную сеть. Ее спутница после первой яростной вспышки умолкла, смотрела темно и, кажется, видела перед собой не совсем то же, что Кёсем. Взгляд валиде словно бы погрузился в те непроницаемые глубины, где блуждала душа Мустафы, повелителя правоверных, несчастного больного мальчика... Ее, Халиме, мальчика, ее сына.

«Мой сын...» — «Давно умер, мама».

Сейчас младшая из женщин пожалела старшую всерьез. Знала, что судьба сына для той — прежде всего путь к власти, ни от кого это не секрет... Но только «прежде всего» — это еще не всё. Не может быть всё. Где-то в душе этой властной, но неудачливой гаремной хищницы заперта, как в клетке, молоденькая горянка Халиме, держащая на руках маленького Мустафу, единственное из оставшихся у нее сокровищ...

Кёсем украдкой ущипнула себя пониже локтя — сильно, чтобы до синяка: вот тебе, злодейка, за мысль о шелковой удавке! Если, не приведи Аллах,

с одним из твоих сыновей случится такое, сумеешь ли ты вести себя разумно и сдержанно?

Кровь схлынула с ее щек, когда вдруг зримо представилось, что страшное произошло именно с младшим ее сыном, тем, который...

— Они знают... — прошептала валиде, ничего не замечая. — У них есть...

— Что, дражайшая матушка? — спросила Кёсем, торопливо пытаюсь представить, кто такие эти загадочные «они».

— У них есть, — как во сне, повторила та. — Есть лекарство, снадобье от... от всего. То, что греки зовут «панакея». Хаома, амрита, абг-и-хайят, бальзам на воде из источника бенги-су... У них, лекарей, всегда это есть: то, чем они могут исцелить любую хворь. Безумие тоже, — с трудом произнесла она, впервые решившись использовать это слово для обозначения того, что творится сейчас с Мустафой. — Они держат это в тайне. Прячут от мира, от владык. Берегут для самих себя...

Кёсем, слушая ее теряющий связность горячечный шепот, только головой покачала. Да уж, безумие совсем рядом: чтобы найти его, даже не придется возвращаться в павильон к султану.

Мельком она подумала, что совет врача на самом-то деле неисполним. Бен Закуто просто не знает, как во дворце устроено садовое хозяйство.

Тут ведь в качестве бостанджи трудятся младшие янычары. То есть, конечно, старшие садовники — не из их числа, они-то подлинные мастера своего дела, без них дворцовый парк, клумбы и живые изгороди приобрели бы неприглядный вид...

Кёсем невольно оглянулась на дерево, под шатровой кроной которого состоялся разговор, — тут, безусловно, потрудился старший садовник, ибо янычарским рукам уход за такой красотой только глупец доверит. Они ушли уже довольно далеко, и теперь можно было рассмотреть только сам зеленый шатер: непокорно изогнутая ветка, изысканно нарушающая его скучную правильность, не видна... а вот птичка, давеча сидевшая на ней, оказалась рядом! Следует за женщинами, перепархивая с куста на куст. Изнывая от любопытства, поблескивает темными бусинками глаз.

Эх ты, пичужка...

Так или иначе, бостанджи-янычары — неперемные помощники в дворцовых садах. Включая все загородные сады, приписанные к дворцовым владениям. Вот и Аджеми, друг отрочества ее и прошлого султана, тоже проходил это служение... или должен был пройти...

Сердце вдруг словно пропустило удар, хотя, казалось бы, эта потеря давно отболела. Но, значит, не до конца. Наверно, боль от первых потерь

полностью вообще никогда не проходит. А до Аджеми ей, тогда еще совсем не Кёсем, друзей терять не приходилось.

Аджеми как другу довериться могла бы и она, и покойный султан Ахмед (*шахзаде* Ахмед), и его младший брат Мустафа, тоже превратившийся из шахзаде в султана... Полностью довериться, во всем, вплоть до головы. Но это ему лично. А вот янычарскому сословию веры нет. Узнай оно через дворцовых садовников, что султан зачем-то решил предаться занятиям, подобающим простому бостанджи, неизвестно что будет.

То есть как раз известно. Нельзя повелителю хоть в чем-то уподобляться своим слугам, становиться равным им. Для слуг это — слабость. Для воинов-слуг — слабость непростительная.

— ...Лекари берегут эти всеисцеляющие бальзамы для самих себя, — продолжала валиде-султан, по-прежнему ничего не замечая. — А есть еще лекарства, основанные на могуществе камня и металла... Лазурит, изумруд, янтарь, девственное серебро и самородная бронза... топаз, рубин... Я тебе об этом рассказывала, помнишь?

— Помню, матушка, — ответила Кёсем устало, но Халиме и этого не заметила.

О да. Халиме не просто рассказывала о чудесных свойствах камней — она из этих камней, можно сказать, для слуха Кёсем заживо надгробье

воздвигла. Половину сокровищницы перетаскала к своему больному сыну, каждый раз искренне надеясь, что тот исцелится либо от вида какого-нибудь перстня с бриллиантом или нефритовых серег, либо от прикосновения к ним. Или сама себя убеждая, что искренне надеется.

Только Аллаху ведомо, от кого из шарлатанов (а их у Мустафы явно побывало куда больше, чем честных лекарей, — впрочем, и те, и другие оказались равно бессильны) валиде-султан услышала об этом способе лечения. Но с той поры поиск «каменного снадобья» сделался ее навязчивой идеей.

— Они таят их. И рецепт бальзама, и название камня, — произнесла Халиме почти спокойно. — Но мы найдем тех, кто этим поделится. Заставим поделиться! — вдруг выкрикнула она, и от испуганной сумасшедшинки в ее голосе повеяло жутью.

Птичку-невеличку этот выкрик застал как раз в миг очередного перепархивания. Заполошно щебетнув, она взвилась в воздух и мгновенно словно бы растаяла, исчезла, унеслась прочь от безумной султанши — и вообще из охваченного безумием дворца. У птиц есть такая возможность. Но людям ничего подобного не дано.

Валиде, кажется, собиралась продолжать, но они уже были возле стены, отделяющей один внутренний двор от другого. Двое стоявших у решетчатых ворот евнухов-стражей, белый и черный, почтительно склонились, а затем, выпрямившись, распахнули ажурные створки.

В их присутствии Халиме, сама того не заметив, мгновенно превратилась из матери больного сына в султаншу, неприступную и гордую. Кёсем, впрочем, тоже. Правила дворцового церемониала въелись им обоим в плоть и кровь, да и как иначе: тут только ошибись с жестом, взглядом, выражением лица, словом или, наоборот, молчанием — костей не соберешь...

Халиме-султан краем глаза покосилась: ровень ли они идут? Бывали ситуации, когда Кёсем ее пропускала вперед, сама же подчеркнуто держалась второй, скромно потупив глаза; но это делалось лишь в тех случаях, которые важны для церемониала как такового, без влияния на власть. Когда же такое влияние имело место — или по крайней мере *могло* иметь место, — обе султанши державно выступали рядом. Кёсем специально следила, чтобы при этом не оказываться впереди, но... это и значило, что на самом деле она впереди.

Всем все ясно, и Халиме в первую очередь. У той, конечно, была возможность сделать лишний шаг и пройти вперед Кёсем, однако это как раз и

означало, что им придется вступить в настоящую вражду. С вполне предсказуемым результатом, тут у валиде-султан иллюзий не имелось.

Сейчас младшая из женщин пропустила старшую вперед. Для слуг пусть будет так, а те, что ждут ее в соседнем дворе, знают, кто она такая, и перед ними ей незачем играть какую-то роль...

— Ну-ка, кто это у нас? Какая певчая птаха?

К мальчику Кёсем наклонилась уже после того, как обнялась с Башар. Эти-то объятия ни у кого подозрений вызвать не могли: все знают — Башар и султанша подруги с детства, теплота их чувств до сих пор жива, такое пусть редко, но бывает. Так отчего бы Кёсем и не быть ласковой к маленьким детям своей ближайшей подруги? Ну и, соответственно, раз так, отчего бы той не приводить одного из этих детей на дворцовую аудиенцию?

— Жаворонок! — гордо ответила Башар.

— Ну, это я вижу. А какой жаворонок — персидский или турецкий? Кто ты у нас, малыш, Канбар или все-таки Тургай?

Всем было известно, что младшие сыновья Башар — близнецы, у них в роду часто такое случается. То есть в роду ее мужа Догана: у него тоже брат-близнец есть, Картал. Их еще «братья Крылатые» называют, Доган и Картал, Сокол и

Орел. Тоже одна из особенностей их рода — обычай давать имена детям по названиям хищных птиц. Но то ли Доган сам решил, что обычай хорош в меру, то ли жена его упросила, но младшенькие получили имена в честь птиц не ловчих, но певчих. Жаворонки они.

— Персидский жаворонок был со мной в прошлый раз, а теперь я Тургая привезла. — Башар, примерившись, ловко сгребла мальчика в объятия (он, похоже, как раз вознамерился отбежать, заметив в стороне что-то интересное), подняла на руки, с законной гордостью продемонстрировала подруге, как оружейник показывает знатоку дорогую саблю. — Хорош?

— Прекрасен! — совершенно искренне ответила Кёсем. — Как ты вырос, малыш, ну как же ты вырос...

Она порывисто обняла подругу вместе с ребенком и, возможно, простояла бы так дольше, чем подобает правительнице Блистательной Порты, но Тургай начал изо всех сил отпихиваться ручонками. Он вовсе не желал, чтобы его тискала какая-то чужая тетка.

Топазовый медальон на шее мальчика качнулся.

— Мужчина... — произнесла Кёсем, с трудом заставляя себя отстраниться. Поймала предостерегающий взгляд подруги, чуть

принужденно улыбнулась. — Ну, хватит нежностей. Ты сегодня с мужем?

— Наоборот, это муж со мной! — Башар покачала головой. — У нас ведь не как во дворце, не «женский султанат»: он — всему голова, а я так, тень его. Детей моему Соколу рожаю, дом его веду, в умные мужские дела не лезу, где уж мне... Ну а если мой господин и повелитель, получив приглашение... то есть приказ прибыть в столицу, решает взять с собой меня и одного из сыновей, то я, разумеется, смиренно повинуюсь!

— Да, ты у нас смиренница известная. — Кёсем снова улыбнулась. Перевела взгляд на группу из четырех-пяти человек, почтительно ждущих на подобающем отдалении рядом со стражей, — будто только сейчас заметила их.

Вон он стоит среди них, брат-Крылатый. Разумеется, ему нельзя подойти к султанше так же свободно, как она подпускает к себе Башар, а тем более нельзя вести с ней непринужденные разговоры. Когда она была хасеки, то могла устроить так, чтобы правила дворцового церемониала не касались ее друзей, но сейчас такая возможность исключена напрочь. Даже для того, кто друг детства не только ее, но и покойного султана. Да, собственно, нынешнего султана тоже...

Все, кому сегодня назначена аудиенция, одновременно поклонились. Она милостиво кивнула им в ответ, никого не выделив. Затем опять посмотрела на Башар:

— Дорогая, ты, наверно, устала с дороги?

— Слава Аллаху, путь наш был благополучен, — чуть уклончиво ответила подруга. — Но если я не нужна тебе в том разговоре, которым ты собираешься удостоить моего мужа, то позволь мне навестить нашу дорогую Хадидже... э-э, достопочтеннейшую Махфируз-султан. Ей тоже, конечно, будет приятно посмотреть на Жаворонка... а потом, если на то будет твоя воля, пусть кто-нибудь из дворцовых слуг укажет, где разместиться нам с Тургаем.

— С Тургаем и с Доганом... — кивнула Кёсем. При упоминании Хадидже у нее на миг закаменело лицо, никто из слуг или стражи этого не заметил, но глаза Башар испуганно расширились: «Что, так плохо?» — «Да, уже совсем... нехорошо». — Слугам, как прежде, с тобой не оставаться?

— Да, незачем, — подтвердила Башар. — Кому постороннему я нашего Жаворонка все равно не доверю, а его няньку я с собой привезла. Ну и мы с Доганом слишком привыкли сами за собой ухаживать, чтобы от этого отучаться, даже во дворце.

От кого иного это прозвучало бы как дерзость, ну так слова про «женский султанат» еще смелее были. Но подруге детства такое дозволительно, если кто слышал — не удивится, скорее позавидует: вот, мол, до чего же непринужденно эта женщина с султаншей говорит, надо бы при случае постараться через нее какие-нибудь свои просьбы передать, даже если для этого придется раскошелиться на щедрый бакшиш...

— Тогда так. — Кёсем, ненадолго задумавшись, приняла решение. — На том гостевом подворье, что в северном крыле Изразцового павильона, вам в прошлый раз удобно было? Вот и отлично. Я сейчас распоряджусь, чтобы Догана устроили там, а тебя с Тургаем сразу проводили к Махфируз... ей и в самом деле доставит удовольствие его увидеть, а уж тебя-то и подавно... Ну и с твоим мужем, смиренница, я поговорю не сегодня, а завтра, поутру или днем, — зато дольше и подробней, чем это получилось бы сегодня.

Она милостиво улыбнулась Крылатому — и он, в полном соответствии с требованиями дворцового этикета, вновь поклонился, прижав левую руку ко лбу, а правую к сердцу.

Видеть это «внешнее», безлико-почтительное движение ей вдруг оказалось неожиданно горько. Умом она понимала, что иначе нельзя никак, любое «иначе» погубит их всех, но на душе было тяжело.

Что уж тут говорить о человеке, которого сейчас называют Доганом, если он на самом деле другой из близнецов-Крылатых, брат Догана Картал? Что уж тут говорить о мальчиках-«жаворонках», если они на самом деле не близнецы, хотя действительно похожи, особенно в столь нежном возрасте? Да отчего бы им и не быть схожими, ведь отцы их попросту неразличимы, вот только матери разные... Что уж говорить о матерях, если султан Ахмед в последние годы жизни иной раз на долгие месяцы то переполнялся какой-то лихорадочной, злой активностью, то словно бы забывал на еще более долгие месяцы обо всем окружающем мире, включая свой гарем и свою хасеки, пускай даже названную Кёсем, то есть «самая любимая». Что говорить об этой хасеки, которая в такое время поневоле принимает на свои плечи основную тяжесть государственных дел, для чего ей приходится встречаться с самыми разными людьми, в том числе и со своими друзьями детства, коих она приглашает во дворец вовсе не потому, что они до сих пор друзья ее и султана, каков он ни есть... И если у нее были к кому из них какие-либо недозволенные чувства до того, как взошла она на ложе султана, то изо всех сил хасеки пытается не дать этим чувствам волю... А тот из друзей, кого

это касается, тоже изо всех сил старается сдержать себя, говорить с султаншей только о деле, о благе Блистательной Порты...

Что говорить о том, что силы людские не безграничны и Аллах иногда делает так, что человек, изо всех сил пытавшийся сдержать клятву, вдруг приходит в себя уже после того, как понимает, что она нарушена. И изменить это столь же невозможно, как защититься саблей от удара молнии.

Что говорить о связанных с этим опасностях, ведь во дворце многие помнят, когда именно султан Ахмед в очередной раз отрешился от всего, и если кто из этих помнящих в обратном порядке сочтет срок от рождения ребенка до его зачатия, то может получиться совсем скверно. Но, по счастью, у хасеки есть свои люди и свои способы, чтобы в пору такой заброшенности султаном скрыть все, даже беременность, — благо можно «пребывать в горести» и никому не показываться на глаза.

Что уж говорить о лучшей подруге хасеки, которая все эти месяцы находится рядом и утешает ее, пребывающую в горести, хотя сама при этом вынашивает ребенка, плод своего законного мужа Догана. Что говорить о том, что мало кто удивится, если родит она не одного мальчика, но двоих: всем ведь известно — род Крылатых часто бывает очастливлен близнецами! А если у обоих этих

младенцев на виске приметная родинка, то и это не диво. Вот кабы такой младенец появился на свет в гареме султана, тогда беда. Впрочем, он ведь действительно был рожден в султанском гареме, но не одной из его постоянных насельниц, а ее подругой, пребывавшей там в гостях.

Бывает.

Нечего особенно говорить и о хасеки Хюррем-султан, вдруг возлюбившей детей этой своей подруги (Башар она зовется) чуть ли не вровень с собственными. Бывает такое, причем не так уж редко: женская душа — тайна от всех, кроме Аллаха. Поэтому теперь эта Башар приезжает к своей подруге-султанше часто, и каждый раз хоть одного из Жаворонков привозит, а порой и обоих. А когда во дворец приезжает ее муж, то он обязательно берет с собой и жену свою, и этих же младших сыновей, обоих или одного. Приезжает он часто: всем ведомо, что очень важным для дворца делом занимаются братья Крылатые и весь их клан... Правда, мало кто знает, каким именно, а кто знает, предпочитает молчать... В общем, часто приходят им из Топкапы вызовы, больше похожие на просьбу, чем на приказ.

Что говорить и о гостевых покоях в Изразцовом павильоне, обширных и удобных для самых ценимых гостей. Семья Догана разместится там свободно: будет комната для няньки и ребенка,

будет для Башар, а ежели глава семейства захочет отдохнуть отдельно, то есть и мужская опочивальня.

Что уж говорить о том, что в северное крыло этого павильона можно пройти, не привлекая к себе лишнего внимания, из других дворцовых зданий, а потом в них же и уйти. Есть во дворце такие пути, мало кому известные.

Что уж говорить о потайном входе внутри самого павильона, среди секретных дворцовых путей наисекретнейшем. И ведет он именно в те гостевые покои, а точнее, в ту самую опочивальню

Что уж говорить об этом, если все сказано...

Глава 2

Мухавере

Начало диалога между основными персонажами в пьесе о Карагёзе и Хадживате

Тьма накрывала их непроглядным одеялом. Они лежали, тесно прижавшись друг к другу, словно на узком ложе. Да так ведь и было: они одни в этой опочивальне, но узко их ложе, нигде во дворце и даже во всем мире не найти им места, чтобы было оно просторней.

Всего лишь тюфяк, постеленный на возвышении спального помоста. В гостевых комнатах так и положено, даже если гости почетные: должны ощущать расстояние между своей «почетностью» и величием султанского двора...

— С «госпожой Жирафой»... плохо? — тихо спросил Картал.

Кёсем вздохнула. Он впервые заговорил с тех пор, как она час назад беззвучной тенью проскользнула сюда, — и вот спросил не о ней.

Хотя им сейчас, друг для друга, слова были не нужны. Она ведь тоже ни слова не произнесла.

А «госпожа Жирафа» — это подростковое прозвище Хадидже. Той, которая потом, взойдя на ложе будущего султана, стала Махфируз. Но прежде, когда султан был еще шахзаде, окруженным толпой друзей и младших братьев, она ростом превосходила их всех, не только девчонок, включая будущую Кёсем, но даже мальчишек. Включая братьев Крылатых, тогда четырнадцатилетних.

— А Башар разве не рассказала тебе?

— Нет. Ничего она мне не сказала. Вернулась от Хадидже — вижу, глаза у нее на мокром месте... я и не стал спрашивать. Сама знаешь, Башар до слез довести ох как не просто!

— Знаю, — снова вздохнула Кёсем. — А с Хадидже... ну, я надеюсь, этот твой лекарь что-то подскажет. Но его к ней сумею провести не раньше чем завтра.

— А мне сумеешь встречу устроить?

— Да, конечно. Если она сможет выйти во внутренний дворик, тогда завтра же, вместе с этим твоим бен Закуто. Если нет, то на следующий день. В ее покои смогу провести только одного, там ведь обязательно должны присутствовать и евнухи, и служанки, иначе даже для нас с ней это сейчас рискованное дело...

— Тогда меня послезавтра, а его первым. Лекарь нужней. Да, вижу, набрал силу дворцовый церемониал...

В темноте было не разглядеть, но Кёсем поняла, что ее возлюбленный невесело усмехнулся.

— Что поделать, — чуть виновато ответила она. — К нынешнему султану, Мустафе, я тебе проход устрою в любое время. Другое дело — узнает ли он тебя... Меня узнаёт не всякий раз, хотя и чаще, чем свою мать Халиме. А к Хадидже, раз уж она на женской половине дворца... Это тебе не пора нашей юности, когда мы — девочки «бабушки Сафие», а вы — друзья наследника престола и его братьев, так что всем нам шайтан не брат.

— Погоди... — Картал приподнялся на локте. — Так она что, может *не суметь* выйти?!

Похоже, он только сейчас осознал, что это такое, когда о здоровье Хадидже говорят «плохо». Молодым могучим мужчинам нелегко это понять, даже если они, по своим мужским делам, смерть видят часто.

Вместо ответа Кёсем тихо погладила его по плечу. Пальцы ее ощутили шрам: ей был знаком этот рубец, на теле Картала со времени их прошлой встречи не прибавилось ран, но она на мгновение замерла, не в силах думать даже о Хадидже.

Все поняв, Картал молча обнял ее, прижал к себе.

— Странный он, этот ваш лекарь... — произнесла она не так уж и вскоре, сумев наконец успокоить дыхание.

— Да, Абрахам-эфенди — лекарь особенный. Не знаю уж, будет ли он лучше всех прочих для Хадидже, — тут Кёсем ощутила, как рука Картала, обнимающая ее, напряглась, — но Мустафе если кто и поможет, так только он.

Кёсем ничего не ответила. Картал, истолковав это как сомнение, продолжил:

— Он к болезни души подходит именно как к болезни, а не как к греху, проклятию или одержимости демонами. Может, не всегда с ней справляется — трудно хворает душа, ее болезни тяжки и непонятны, — ну так и не всякую телесную хворь удастся одолеть, даже искуснейшим

мастерам. Чума, укус бешеного пса... пуля в печень, сабельный разруб от плеча до пояса — тоже ведь вроде как болезни тела, а поди исцели их. Но замутившийся ум он на место вправлять умеет. Во всяком случае, бывало такое. Нашим не раз помогал.

— О Аллах! Кому — «вашим»?! — Кёсем в ужасе прижала ладони к щекам. — Что-то со старшими детьми случилось, да? Или с Марты'?

То, что она из-за старших детей так испугалась, понятно: в них хоть и ни капли ее крови, они ей все равно не чужие. Но кто ей Марты, их мать, жена Картала?! Никто и менее чем никто. Даже не соперница, ибо Кёсем знала, что ее место в сердце Картала никем не занято и никогда занято не было. Просто женщина, которую тот взял в свой дом, думая, что Кёсем потеряна для него навсегда. А вот поди ж ты, за эту женщину она испытала точно такой же ужас, как за детей.

У Картала старший сын и две дочки, и девочки те — настоящие близнецы. У Догана трое сыновей: два парня подросткового возраста и Канбар, птенчик, малыш-жаворонок, ровесник Тургая...

Всех вместе никогда их не видела; несколько лет назад братья Крылатые привозили показать своих первенцев, тогда совсем еще мальчишек (Сунгур и Атмаджа их зовут, вот как, «Кречет» и

«Ястреб», но кто из них чей?), а еще Канбара, конечно, хорошо знает — но сердце болит за каждого. Как и за неведомую Марты.

— Нет, — твердо произнес Картал и обнял ее еще крепче. — Наши, слава Аллаху, все здоровы и благополучны.

Кёсем всхлипнула и прижалась к его груди.

— Это про тех «наших», которых мы на борт берем, — все так же твердо объяснил он. — Ты же знаешь...

Да, она знала. Это то, чем занимался их клан вот уже несколько поколений, кажется, еще со времен Сулеймана Кануни, — выкуп пленных и доставка их на родину. Самых разных пленных, и как тот же врач не различает, каких именно раненых ему приносят на перевязку — во всяком случае не должен различать, — так и они не видели в них разницы. Подданных Блистательной Порты, увезенных гяурами в Венецию, Испанию, Роксоланию (или, чего уж боевому коню притворяться обозным мулом, не увезенных туда, а прямо там в плен и взятых во время войн или набегов), и, наоборот, гяуров, захваченных в рабство или плененных на землях и водах Блистательной Порты во время войн против нее.

Выкуп как таковой. Обмен. Способ устроить побег. Умение захватить с боем. Все это идет в ход, и для всего требуются опытные, надежные, верные

слову союзники. А паче того — для великого, ценнейшего искусства доставить с места выкупа и побега на *противоположную* сторону. На каком из берегов моря, разделяющего Порту и ее врагов, она бы ни находилась.

Иногда такое делается с ведома и негласного благословения дворца Топкапы; порой даже по его просьбе. Именно просьбе — приказать тут дворец никому и ничего не может... что, к слову, многих во дворце до крайности возмущает. К счастью, этих «многих» совсем немного: мало кто вообще осведомлен о деятельности клана и самом существовании его.

Тем не менее, когда просьба звучит, ее обычно удается исполнить, причем даже в таких случаях, когда никто другой этого сделать не может. Однако столь же часто клан действует вопреки планам и желаниям дворца. А еще чаще дворец просто ничего не должен об этих действиях знать, и, соответственно, желать ему тоже ничего не придется.

Насколько это зависело от Кёсем, так и получалось. Но она не всеильна.

— Тех, кого вы на борт берете? — непонимающе повторила Кёсем. — А зачем им...

— Ну как же. — Картал вдруг подхватил ее на руки, словно маленькую девочку, и она на какое-то

время перестала слышать вообще что бы то ни было, кроме бешеного стука собственного сердца. Но он, ничего не заметив (эх ты, мужчина! Все вы на всю жизнь подростки, даже лучшие из вас...), продолжал рассказывать: — В тесноте, на небольшом суденышке. И путь, сама понимаешь, долог: многие недели, а если считать ожидание на берегу, то и месяцы. Вот и подумай — легко ли будет довести того, кто... повредился рассудком? То-то и оно, что трудно. И для него самого трудно, и для всех остальных, с кем он делит превратности пути.

— Тише!

За стеной захныкал ребенок — и тут же донеслись успокаивающие его голоса няни и Башар. Это была внутренняя стена гостевых покоев, тонкая. Если кто приложит ухо к дверям, что ведут наружу павильона, он услышит лишь то, что происходит в этой соседней комнате. Ничего подозрительного там не происходит, а то, что вместе с мальчиком ночуют сейчас обе женщины, так это и правильно, ведь ребенок взбудоражен после трудного для его возраста переезда, плохо спит, капризничает.

А вот звуков из дальней опочивальни не услышишь.

— Все, — констатировала Кёсем, когда песня Жаворонка за стеной стихла. — Можешь меня опустить.

— Что? Ах да... — Картал все это время держал ее на руках, сам того не замечая. — А вот не опущу, не так часто мне приходится тебя к сердцу прижимать, возлюбленная моя...

И продолжал держать, даже мускулы его ни разу не дрогнули. Она настолько сохранила девичью стройность, что в гареме это уже стало постоянной темой для сплетен: мол, до чего же некрасива пресловутая Кёсем... Правда, в этих сплетнях слышалась то юная глупость — от совсем уж зеленых девиц, то потаенная зависть — от всех остальных. Но роста она хорошего женского, так что не пушинка.

— Вот там, совсем рядом, мой сын, он зовет матерью другую женщину, пусть и мою ближайшую подругу, он здесь всего на неделю, потом мы снова по меньшей мере четверть года не увидимся... а я сейчас не спешу его лишний раз приласкать, потому что нежусь в твоих объятиях. Я... я скверная мать, как ты считаешь?

— Нет, — ответил Картал еще тверже, чем прежде. — Из этой недели я пробуду с тобой четыре дня, а потом мы расстанемся на добрую треть года. Причем нашего сына ты сможешь ласкать и среди дня, а мою ласку тебе суждено

ощутить лишь по ночам... малую часть ночи, потому что ты, султанша, затемно приходишь и затемно уходишь. Это неизбежно, я понимаю, но не думай, что камень, который лежит у меня на душе, от этого становится легче.

Теперь в голосе его звучала затаенная грусть. Кёсем не нашлась что ответить. Она лучше всех понимала неизбежность всего этого — и камень на ее собственной душе тоже не становился легче.

— Лучше спроси, скверный ли я отец, если наш с тобой сын считает меня дядей?

— Не спрошу.

— И правильно. Потому что в нашей усадьбе не принято различать, где чьи дети. Мы с братом так решили сразу после рождения наших первенцев, они ведь тоже почти ровесники, так что пусть растут как близнецы. И с другими тоже так пошло. То есть у Тургая два отца...

— И две матери, — сухо добавила Кёсем, сразу вспомнив о Марты.

— Три, — строго поправил ее Картал. — О себе-то не забывай.

— Уговорил. Не забуду. Слушай, опусти меня, наконец. Если ты не устал, *пахлаван*, богатырь ты этакий, то я устала!

Картал послушался ее по-своему: не опустил Кёсем, а сам опустился на тюфяк, продолжая

сжимать ее в объятиях. И снова для нее на долгие минуты исчезло все вокруг...

— Так что этот ваш бен Закуто, — слабым голосом спросила она, когда окружающий мир вновь вернулся, — и вправду многих вылечил?

— Подлечил довольно многих, — признал Картал. — А вот надолго ли... Он сам, кстати, сомневается, говорит, что врачебная наука раненый ум по-настоящему исцелять научится вряд ли раньше, чем отрубленную конечность приживлять.

— Мустафу-то, сам понимаешь, надо не подлечивать, а лечить.

— Ну вот, к примеру, был у нас один генуэзец, которого надо было отправлять домой прямо с галерной скамьи, без передышки, так уж сложилось. Причем отбывали мы не обычным способом, а прямо в виду наших военных галер, без договоренности, первая часть пути — на открытой лодке... В общем, там кто-то мог и не грести, один-двое, но все должны были держать себя так, чтобы не вызвать подозрений. А он, вот надо же, вообразил, что его не из рабства спасли, но в смерть ввергли. И теперь он находится в глубинах преисподней, поскольку за минувшую жизнь достаточно успел нагрешить для этого. Отчего-то ему мнилось, что эти глубины не огненные, а ледовые. Лежит, скорчившись, стучит зубами от

воображаемого холода, молит закутать его в шкуры, чтобы согреться... Мы все, наверно, ему адскими демонами видимся... Ну куда с таким на лодке мимо сторожевой галеры идти?

— И что же?

— Абрахам-эфенди действительно помог ему укутаться в овечью шкуру, пышную, с длинным мехом. А потом поджег ее. Двое помощников с ведрами воды ждали рядом и, когда тот генузец вскочил, тут же облили его, он даже ожогов не получил.

— И что же? — повторила Кёсем.

— Понял он и поверил, что вокруг не вечный лед и, следовательно, не в аду находится.

— Сумели провезти?

— Я с ним в той самой лодке был, на руле. Раз я жив, значит, никто не вызвал подозрения у капудан-паши и всех прочих...

— Ты — жив, — она бурно поцеловала его. — Жив, жив, жив...

— Вот так-то. Я жив, а наш младший братик, — Кёсем не пришлось объяснять, о ком речь: когда лишних ушей вокруг не было, Картал, как и она, называл так султана Мустафу, — будет здоров. Надеюсь. Но не думай сейчас об этом, о повелительница правоверных и владычица моего сердца. Лучше поспи хоть немного, тебе ведь вскоре...

— Хорошо хоть валиде-султан не слышала, как он ему щенков прописал...

— Щенков прописал? — Картал чуть слышно усмехнулся. — Да ты, султанша, похоже, уже спишь и сон видишь...

— Не сплю, — она тоже усмехнулась. — Было такое. Твой лекарь порекомендовал султану не только садоводством заниматься и волшебные истории под звуки струн слушать, но и созерцанием щенят душу исцелять. Той мелкой куцемордой породы, белой и пышношерстной, что во дворце появилась, кажется, еще во времена Сулеймана Кануни. А совсем, мол, хорошо не только смотреть на них, но и брать на руки, гладить, позволять им играть с собой... Дескать, самое лучшее лекарство. Да, мои девчонки, малолетние гедиклис, с такими песиками постоянно возятся, но для повелителя правоверных каков совет!

— Совет хорош, — медленно произнес Картал. — У нас ребятня постоянно со щенками возится, таскает их на руках, целует в мордочки... Старшие себя уже считают слишком взрослыми для этого, но даже и они не упускают случая... если им кажется, что никто их не видит.

Он снова усмехнулся.

— Погоди, у вас что, тоже эти живые игрушки, дворцовая порода?

— Ну что ты. У нас псы серьезные, не игрушки, а воины. Можно сказать, дружественный клан. Их нынешний глава, тот, что сейчас вход в усадьбу охраняет, Башкурт, — ох и зверюга, верхового из седла за сапог выдернет! Так вот, наши старшие, Ахмаджа и Сунгур, его еще щенком в объятиях тискали, а Жаворонки, оба, учились ходить, держась за его шерсть. Уже взрослого, матерого, в полной силе. Один слева, другой справа... Он только поскуливал, а когда видел меня, глядел умоляюще: хозяин, спаси, забери от меня малышей, измучили вконец!

— Не опасно? — с запоздалым испугом спросила Кёсем.

— Смотря для кого. — Картал пожал широкими плечами. — Вот мы с братом: разве мы опасны для наших друзей, для наших детей? Для тебя, султанша? Ну а для пиратов, если те вдруг решили привести меньше пленных, чем уже договорились по условиям выкупа, — бывает... И для работорговцев, потерявших край и меру. Или для береговых стражей, излишне ретивых в своем служении... Ну, этого тебе, хасеки-султан, знать не надо. Давай поспи хоть немного, я же по голосу слышу, что ты вот-вот в дремоту провалишься.

Кёсем хотела было возразить, но тут же поняла, что он прав: глаза у нее слипались. А ведь

уходить ей отсюда совсем вскоре, посреди ночи, никак нельзя остаться до утра.

— В щенков-то Халиме не поверит, — пробормотала она, опускаясь щекой на подушку, — а вот в целебные свойства камней и металлов верит истово...

— Это ты снова свой сон рассказываешь, моя хасеки?

— Еще нет. — Кёсем зевнула. — Она мне сегодня с утра говорила, в тысяча первый раз: янтарь, изумруд, девственная бронза... или самородная...

— Девственная бронза — она, знаешь ли, только в гареме бывает, — хмыкнул Картал. — Самородная — тем более. А вот янтарь...

— Янтарь... а еще топаз...

— Об этом стоит кое-кого расспросить, — произнес Картал странным голосом. И вдруг спохватился: — Э, да что это мы снова разговоры ведем? Может, колыбельную тебе спеть? Так ведь слишком большая уже для этого девочка! Спи, кому сказано, сокровище моего сердца, а то сейчас за непослушание уши надеру...

Он и вправду легонько дернул ее за ухо. Кёсем с улыбкой вытянулась на тюфяке, всем телом ощущая близость своего возлюбленного и прохладную гладкость атласной простыни... Картал что, действительно ей колыбельную напевает? Нет,

это голос того лекаря, Абрахама бен Закуто: *«Разрушая ложные представления, надо действовать не просто умело, но и очень осторожно, чтобы не вызвать у больного приступа яростного отторжения, который может перейти в то, что древние называли манией. Лекарь, поступающий так в попытках исцелить безумца, сам должен считаться безумным. Не стремись выписывать лекарства из дальних стран, не ожидай исцеления и от молитвы: в тебе самом содержится противоядие от всех зол и никто не может быть для тебя лучшим врачом, чем ты сам ...»*

А потом она осознала, что все это не имеет значения. Потому что неисчислимая армия выступила в долгий поход, и не было под небом силы, способной ее остановить...

Глава 3

Фазиль

Начало основного действия в пьесе о Карагёзе и Хадживате

Неисчислимая армия выступила в долгий поход, и не было под небом силы, способной ее остановить. Шла султанская гвардия под

руководством испытанных в битвах баши, чьи облачения даже в походе сохраняли роскошную пышность, и кашевары отрядов перекликивались дробными маршами на обтянутых кожей котлах. Гордые сипахи искоса поглядывали с горячих коней на усталых пехотинцев, месящих дорожную пыль. Шли полки армян, тяжело звякая дедовскими кольчугами. Гарцевали на иомудских, ахалтекинских, гокленских жеребцах полуоборванные кочевники: юрюки, тахтаджи, тюркмены, абдалы, зейбеки, чепни. Нестройными толпами рассыпались по дорогам разношерстные лазы и курды. Группы греков и албанцев смешивались с артиллерийскими обозами, с разномастными повозками, везшими порох, каменные ядра, снаряжение для пушек и для осады, провиант, фураж... да мало ли что везли по пыльным дорогам обозные телеги.

Где-то там, на севере, между густых лесов и диких гор, поднял мятеж полукатолик-полуортодокс, но в любом случае гяур, князь Владислав, господарь Валахии, по прозвищу Дракул или же Цепеш. Пока он сажал на кол своих собственных подданных и вешал пленных венгров, великому султану не было дела до этих его шалостей. Но когда он начал вбивать гвозди в головы правоверных мусульман и снимать кожу с туркоманов, слуг и подданных самого

султана, когда он отказался посылать деньги в султанскую казну и новобранцев в султанское войско, то этого великий правитель и защитник всех правоверных вытерпеть не смог. Мятежника ждала лютая смерть, его замки — разрушение, а земли — разорение.

Во всяком случае, такие речи звучали, прежде чем войско выступило в поход. А уж о том, что заодно со всем этим надо было навести порядок в землях поклоняющихся распятому от Дуная и до Днестра и укрепить руку светлейшего султана на дальних границах, даже речей не было нужды вести.

Войско спешило. Во второй половине дня уже необходимо присматривать реку или источники, откуда предстоит напоить коней и верблюдов, думать о том, где разместить отряды, чтобы не было свар и сучилоки, чтобы всем хватало дров для костра и воды для питья и каши в котлах. Надо поставить палатки и шатры для баши на ровных местах и развести караулы. Надо зарезать и освежевать овец, чтобы утром на рассвете люди поели еще теплой вечерней шурпы и на сытых после ночной пастьбы лошадях бодро продолжили путь.

...Впрочем, часто в мире случается так, что самые заметные события служат лишь покрывалом,

которое Аллах накидывает на нечто куда более значимое, но мелкое, не сразу бросающееся в глаза; как мѣлок алмаз по сравнению с медным слитком, как неразличим мудрец в толпе горлопанов, каллиграфическая вязь — среди груды небрежно исписанных страниц. Вот и сейчас воинский поход, предпринятый по велению султана, — лишь ширма в театре теней, за которой то неразборчиво, то проступая во всех деталях, мелькают фигуры Дервиша, Пьяницы, Врача, Карлика, Курильщика опия и, наконец, подлинных повелителей теневой труппы — Карагёза и Хадживата.

Несколько всадников в черных одеждах, отделившись от войска, шагом вели тонконогих коней по каменистой тропе между холмами. Они и есть те фигурки, которыми высшие силы ведут свою неведомую игру, а прочее лишь нарисовано на ширме. Больше никто в султанском войске никогда не увидит ни этих всадников, ни их предводителя. Пустынные холмы, да кружащиеся над ними бурые коршуны, да покрытые желтой пылью узкие каменистые дороги умеют хранить свои секреты.

Однако вещей сон раскрывает и их...

Предводитель, человек с орлиным носом и бородой Пророка, в персидском шишаке и черной епанче, что-то прокричал своим спутникам, показывая на группу каменных строений близ